

По дорогѣ въ Паркъ, Парменій Никитичъ вступилъ съ тестемъ въ болѣе игривый разговоръ. Онъ былъ доволенъ хоть тѣмъ, что въ Грузинахъ все обошлось довольно еще прилично. Обѣдать ему хотѣлось. Воздухъ за городомъ обдавалъ его пріятной свѣжестью. Они незамѣтно доѣхали до „Мавританіи“, гдѣ онъ никогда не бывалъ.

Дальше пошло совсѣмъ не такъ, какъ онъ желалъ. Къ обѣду, заказанному наверху, въ большой комнатѣ, Мартынъ Лукичъ пригласилъ неизвѣстно откуда явившихся гостей: троихъ мужчинъ, незнакомыхъ съ Рынинымъ, — ему даже показалось — подозрительнаго вида, — должно быть, изъ того времени, когда Ногайцевъ жилъ, какъ онъ самъ выражался, „ярыжнымъ дворяниномъ“, передъ своимъ сумасшествіемъ. Одного изъ нихъ онъ назвалъ по фамиліи, другихъ даже и не представилъ, и прибавилъ:

— Потолкуйте, кто кого закидаетъ высшими взглядами... Это, братъ, — указалъ онъ на гостя, — человекъ съ перомъ.

„Человекъ съ перомъ“ смотрѣлъ, на оцѣнку Рынина, странно: не то купецъ изъ Ножевой, не то приказчикъ изъ нѣмцевъ, не то судебный приставъ. Красное лицо съ лоскомъ на щекахъ, свѣтлорусая борода, улыбка сидѣльца и очень пестро одѣтъ; волосы острижены подъ гребенку, лѣтъ за сорокъ.

Всѣ они, — и Ногайцевъ съ ними, — заговорили своимъ особеннымъ языкомъ, съ московскими остротами и анекдотами. Сразу принять участіе въ ихъ разговорѣ и попасть въ тонъ было не легко, но Рынинъ старался. Онъ не отставалъ ни отъ чего, въ ѣдѣ и напиткахъ. Между закуской, гдѣ было выпито много всякихъ смѣсей изъ водокъ, горькихъ и сладкихъ, и обѣдомъ, уже явилось шампанское, прямо въ стаканахъ, и тарелки съ кусочками тонко наръзаннаго чернаго хлѣба, поджареннаго въ маслѣ и посыпаннаго солью. Всѣ стали это грызть и пить шампанское, какъ квасъ. Ногайцевъ видимо желалъ напоить зятя. Рынинъ не отказывался ни отъ чего; въ немъ заговорило тщеславіе бывалаго участника кутежей, славившагося тѣмъ, что его нельзя перепить.

Обѣдъ прошелъ въ томъ, что Мартынъ Лукичъ пьянѣлъ и дѣлался, съ каждымъ блюдомъ, безцеремоннѣе со своимъ зятемъ. Онъ уже не иначе его называлъ, какъ „македонскій принцъ“, или „недоваренный моментъ“, или „перевернутый прусскій майоръ“, и раза два пригласилъ его изложить имъ всѣмъ программу будущаго переворота на Балканскомъ полуостровѣ, а потомъ — своего министерства. Всѣ хохотали. — Рынинъ, блѣдный отъ выпитыхъ водокъ и винъ, сдержанно усмѣхался и продолжалъ испытывать свою выдержку.